
Экономика усыновления: любовь и/или деньги

В.В. ГАЛИНДАБАЕВА *, Н.И. КАРБАИНОВ**

***Вера Валериевна Галиндабаева** – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, v.galindabaeva@socinst.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3544-5953>

****Николай Иванович Карбаинов** – научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, n.karbainov@socinst.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7100-0292>

Цитирование: Галиндабаева В.В., Карбаинов Н.И. (2022) Экономика усыновления: любовь и/или деньги // Мир России. Т. 31. № 4. С. 57–78. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-57-78

Аннотация

В статье рассматривается, как работает экономика усыновления в России, или, другими словами, как происходят экономические обмены между приемными родителями и детьми, когда нормативно поощряется альтруистическое поведение, а извлечение экономической прибыли стигматизируется. Эмпирическая база исследования включает 88 полуструктурированных интервью, дневник наблюдения, документы и фотоматериалы по теме исследования. Опираясь на концепт реляционной работы В. Зелизер, авторы анализируют экономические обмены между членами приемных семей и выделяют две основные реляционные комбинации, которые складываются в приемных семьях: квазиродительскую и контрактную. Экономические обмены в квазиродительской комбинации происходят в логике долгосрочных взаимоотношений, а в контрактных, наоборот, в краткосрочной логике. Квазиродительские реляционные комбинации складываются в большинстве семей независимо от формы устройства ребенка. Исследование показало, что материальные мотивы к созданию приемных семей не противоречат установлению близких эмоциональных отношений между приемными родителями и детьми.

Ключевые слова: экономика усыновления, приемные семьи, опекунские семьи, усыновление, близкие отношения, забота, малое село, школа

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в апреле 2022 г.

Постановка проблемы

В данной статье мы хотели бы осветить некоторые аспекты экономики усыновления в современной России. Под экономикой усыновления мы понимаем совокупность социально-экономических отношений, которые складываются вокруг практик усыновления, опеки, попечительства и приемной семьи. В этом случае мы используем понятие «усыновление» не в узком юридическом понимании как одну из форм семейного устройства, а в более широком смысле – как социальную практику опеки ребенка. Ключевыми акторами этих отношений выступают усыновители и дети, которых усыновляют, а также (не)государственные и коммерческие организации (органы опеки, интернаты, агентства по усыновлению и др.)¹.

В советское время опека (попечительство), усыновление (в юридическом смысле слова) и интернатные учреждения были основными формами устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В постсоветской России после появления в 1996 г. юридического института приемной семьи в этой сфере произошли значительные изменения: за последние 20 лет количество детей в приемных семьях увеличилось более чем в 30 раз – с 4398 в 2000 г. до 160934 чел. в 2020 г. [Российский статистический ежегодник 2001, с. 212; Сводные отчеты 2021]. Данная форма семейного устройства является видом возмездной опеки, когда один приемный родитель получает вознаграждение за свой труд.

В российских СМИ можно встретить два взаимоисключающих дискурса о мотивах создания приемных семей²: меркантильный и альтруистический. Меркантильный дискурс формируется вокруг идеи, что «приемных детей берут из-за денег». В СМИ этот мотив подвергается осуждению, так как считается, что полноценное воспитание детей не может быть основано на мотиве извлечения прибыли. В сельской местности, согласно этому взгляду, люди берут приемных детей не только из-за денег, но и для того, чтобы использовать их труд в хозяйстве. В рамках конкурирующего альтруистического дискурса подчеркивается, что труд приемного родителя основан на альтруизме, бескорыстной любви к детям. Важно отметить, что главными действующими лицами в рамках двух взаимоисключающих дискурсов являются приемные родители, а дети воспринимаются как пассивный объект: в первом случае как объект извлечения прибыли и эксплуатации, а во втором – как объект заботы и любви.

В свою очередь исследователи также отмечают, что в российских СМИ конструируются два стигматизирующих образа приемной семьи и ребенка: в первом случае приемные родители рассматриваются как «шабашники», «корыстные» благополучатели, во втором – ребенок-сирота представляется как «другой», который несет угрозу «правильному», «ответственному» родителю [Ярская-Смир-

¹ Л. Шпаковская и Ж. Чернова также предлагают схожий по смыслу термин *fostering*, охватывающий все формы семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Они указывают на то, что люди не всегда различают между собой юридические формы семейного устройства детей [Shpakovskaya, Chernova 2020, p. 183]. В данном случае *fostering* – это этный (etic) термин. На наш взгляд, более адекватной является эмная (emic) категория усыновления, укорененная в российском социокультурном контексте.

² В российских СМИ, как правило, используют словосочетание «приемные семьи» в широком социальном смысле, включая в него весь спектр юридических форм семейного устройства детей. Мы также будем использовать в нашей статье широкую трактовку понятия «приемные семьи», при необходимости оговаривая конкретные юридические формы семейного устройства.

нова, Присяжнюк, Вербилович 2015; Iarskaia-Smirnova, Kosova, Kononenko 2020]. Пожалуй, стигматизирующий медиаобраз приемного ребенка – это единственный пример, когда ребенок представляется как субъект отношений, который является причиной разрушения приемной семьи.

Социологи, как правило, фиксируют альтруистические мотивы создания приемных семей в России [Гурко, Тасеев 2007; Чернова, Шнаковская, Гарифулина 2020]. Отсутствие материального мотива исследователи объясняют тем, что в России родительский труд не считается легитимной формой занятости, рассматривается в категориях любви и морального долга. Приемные родители стремятся соответствовать социально одобряемым нормам, возможно, поэтому они и не озвучивают этот мотив, принимая участие в исследованиях [Чернова, Кулмала 2018]. В то же время эксперты, которые традиционно входят в выборку исследований, так или иначе отмечают, что есть случаи, когда приемные семьи создаются по материальным мотивам: например, они рассказывают о безработных сельских женщинах, которые принимали детей вынужденно, ради заработка. В таких случаях эксперты отмечают частые «срывы» и досрочные расторжения договоров [Гурко, Тасеев 2007, с. 11].

В данном случае возникает несколько исследовательских вопросов. Во-первых, насколько альтруистический дискурс приемных родителей соответствует их практикам взаимоотношений с детьми? Во-вторых, можно ли говорить о существовании двух групп приемных родителей: «промысловиков» и «альтруистов»? В-третьих, какова роль приемных детей в экономических отношениях с приемными родителями? В итоге ключевой исследовательский вопрос нашей статьи, который объединяет все три предыдущих вопроса, следующий: как происходят экономические обмены между приемными родителями и детьми в условиях, когда нормативно поощряется альтруистическое поведение, а извлечение экономической прибыли стигматизируется? Ответ на этот вопрос поможет нам отчасти понять, как работает экономика усыновления в России. Проведенные социологические исследования приемных семей в России не могут дать ответы на эти вопросы, отчасти из-за методических ограничений. Во-первых, исследователи пользуются в основном методом интервью, не применяя метод наблюдения. Во-вторых, методы рекрутирования участников, к которым обращались исследователи, способствовали тому, что среди информантов преобладали родители, стремившиеся соответствовать альтруистическому дискурсу и демонстрировать лучшие практики. В-третьих, авторы сосредоточены на изучении репрезентаций приемных родителей и не уделяют достаточного внимания «голосам» приемных детей.

Тем не менее в рамках нашего исследования «Экономика усыновления как стратегия выживания малых сел», осуществленного при финансировании Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники», мы попытались ответить на эти вопросы. В сельской местности проживает больше половины российских приемных семей, поскольку жилищные условия позволяют сельским жителям взять большее количество детей, чем горожанам [Гурко, Тасеев 2007]. После 2008 г. увеличению числа приемных семей в сельской местности способствовал приоритетный национальный проект модернизации образования, который предусматривал оптимизацию сети общеобразовательных учреждений, обновление материально-технической базы школ и введение нормативно-подушевого финансирования

в системе общего образования. В рамках новой политики малокомплектные школы³, большая часть которых находится в сельской местности, оказались в самом уязвимом положении: многие сельские малокомплектные школы не соответствовали новым стандартам материально-технического обеспечения, а значит, требовали значительных вложений в инфраструктуру. Более того, эти школы переводились на особую систему финансирования, которая зависела не от количества учеников, а от наличия классов. Например, если в общеобразовательной школе набрано шесть классов из девяти, то на каждый из шести классов организации выделяется определенная сумма, и, соответственно, малокомплектной школе выгодно набрать все классы с целью получения максимального финансирования. Однако для регионального бюджета содержание малокомплектной школы стало дополнительной нагрузкой, и власти, заинтересованные в снижении своих затрат, закрывали малокомплектные школы и переводили учеников на обучение в соседние села: по данным Счетной палаты, с 2000 по 2019 г. количество сельских школ сократилось с 46 тыс. до 24 тыс. [Орлова 2019].

Во многих регионах России сельские жители решили сохранить свои малокомплектные школы, взяв на воспитание большое количество приемных детей (до)школьного возраста: например, в Республике Бурятия известно о 20 таких малых селах. Подобной практикой сохранения школ воспользовались также жители сел Брянской, Владимирской, Иркутской, Ленинградской, Новгородской, Смоленской, Саратовской, областей, республик Башкортостан, Татарстан, Саха-Якутия и др. В результате в России существуют сельские школы, в которых приемные дети составляют 90% учеников, и именно таким случаям был посвящен наш проект.

На наш взгляд, данный объект исследования позволяет продемонстрировать, как работает экономика усыновления в ситуации, когда приемные родители, имея меркантильные мотивы, выстраивают экономические обмены и отношения с приемными детьми. Дизайн исследования включал дополнительные методы и расширил выборку исследования, чтобы преодолеть упомянутые ограничения предыдущих работ. Во-первых, кроме метода интервью, дополнительно использовался метод наблюдения, который позволяет описать практики взаимодействия. Во-вторых, была выбрана целевая группа информантов, среди которых значительную часть составляли «меркантильные» приемные родители. В-третьих, в выборку исследования были включены не только приемные родители, но и приемные дети, односельчане приемных семей, главы поселений, специалисты региональных отделов опеки и образования, директора школ и интернатов.

Таким образом, исходя из постановки проблемы, цель нашей статьи – проанализировать, как работает экономика усыновления в России на примере малых сел.

Теоретическая рамка исследования

Во введении мы уже предложили общее определение «экономики усыновления». В данном разделе мы концептуализируем это понятие. Для этой цели мы при-

³ Критерии малокомплектной школы разрабатываются субъектами РФ. Обычно региональные нормативные акты определяют статус малокомплектной школы по двум критериям: транспортной доступности и числу обучающихся (не больше 100 чел., меньше 11 чел. в классе).

влекает теорию реляционной работы В. Зелизер, которая объясняет особенности экономических обменов, совершаемых в рамках близких социальных отношений, и разрабатывает данное понятие как альтернативу концепции укорененности М. Грановеттера. В. Зелизер критикует М. Грановеттера за то, что он рассматривает сферы общества и экономики как автономные и анализирует социальные отношения только в качестве контекста экономических действий. В. Зелизер считает несостоятельным предположение о том, что существуют различные арены для рациональной экономической деятельности (сферы расчетов и эффективности) и для личных отношений (сферы чувств и солидарности). Она утверждает, что экономическое действие противопоставляется социальному только дискурсивно, и называет такой подход доктриной «враждебных миров» [Zelizer 2010]. В нашем случае «альтруистический» и «меркантильный» дискурсы в отношении приемных семей являются ярким примером противопоставления сферы рынка и сферы чувств.

В. Зелизер призывает вернуться к веберовскому утверждению, что экономическое действие является социальным взаимодействием. Она репрезентирует социологическую модель «множественных рынков», которая улавливает сложное взаимодействие между экономическими, культурными и социально-структурными факторами [Zelizer 2010, p. 377]. В рамках данной модели автор предлагает рассматривать взаимозависимость социальных и экономических отношений с помощью концепта реляционной работы, который призван показать, как акторы постоянно используют экономические трансакции и средства обмена для создания и поддержания близких отношений. Не каждая экономическая операция пересекается с близкими отношениями, поэтому акторы постоянно включены в реляционную работу по соотношению экономических трансакций с пониманием содержания своих отношений [Zelizer 2012, pp. 151–152].

Реляционная работа, или работа по созданию и поддержанию отношений, состоит из четырех элементов: отношения – это комплекс понятий, прав и обязательств, которые связывают двух или более лиц; набор трансакций состоит из ограниченных краткосрочных взаимодействий между людьми; средства обмена – это системы денежного учета и их знаков, времени и труда; согласованные значения – это согласованное с другими участниками понимание отношений, трансакций и средств обмена, включая их моральную оценку, а также переговоры по поводу отношений. Работа по созданию и поддержанию отношений включает в себя создание жизнеспособных комбинаций или «пакетов» из отношений, трансакций, средств обмена и согласованных значений [Zelizer 2012, p. 151].

В целом именно категории социальных отношений в значительной степени определяют процесс складывания реляционных комбинаций. Значение этих категорий связано с более широкими исторически изменчивыми культурными, институциональными и правовыми рамками. Исследователи, которые опираются на концепцию В. Зелизер, выделяют следующие детерминанты, обуславливающие формирование реляционных комбинаций: (1) характеристики и атрибуты сторон, вовлеченных в реляционную работу; (2) свойства ситуаций, в которых разворачивается реляционная работа; (3) влияние третьих сторон и посредников; (4) различные особенности контекста (культурные рамки, политические измерения, организационные структуры и технологические основы и т. п.) [Bandelj 2020].

Следовательно, в рамках программы «множественных рынков» экономика усыновления, на наш взгляд, представляет собой набор реляционных комбинаций, которые состоят из понятий, прав и обязательств, связывающих приемных родителей/опекунов/усыновителей, приемных/опекаемых/усыновляемых детей и специалистов органов опеки, экономических трансакций между ними, денежных и неденежных средств обмена, разделяемых значений складывающихся отношений и их моральной оценки.

Специалисты органов опеки играют значимую роль в этих отношениях, так как контролируют выполнение обязательств и экономические трансакции, а также могут досрочно завершить договор об опеке по запросу ребенка. Присутствие специалистов органов опеки значительно меняет распределение власти в приемной семье, что сказывается на том, как, например, члены семьи ведут переговоры о своих отношениях и, соответственно, как они совершают экономические трансакции. Важной детерминантой формирования реляционных комбинаций экономики усыновления является место, а именно домохозяйство, в котором акторы выстраивают свои отношения и экономические обмены. В. Зелизер группирует практики, в рамках которых пересекаются экономические трансакции и близкие отношения в повседневной жизни членов домохозяйства, по трем основным категориям: (1) контроль и передача ресурсов; (2) потребление и распределение; (3) производство [Zelizer 2005, p. 217].

Исходя из предложенной теоретической рамки и ранее проведенных исследований приемных семей, мы выдвигаем следующие предположения. Во-первых, в домохозяйствах приемных семей складываются разные комбинации между отношениями, экономическими трансакциями и средствами обмена, к которым обращаются приемные родители, дети и другие вовлеченные акторы. Существование чисто альтруистических комбинаций, в которых нет места экономическим расчетам, мы можем отрицать уже исходя из теории реляционной работы: домохозяйство не может существовать без экономических обменов. Однако мы можем ожидать формирования «меркантильных» и «смешанных» комбинаций, в которых экономические обмены и расчеты играют важную роль, но соотносятся с разными средствами обмена, переговорами о значении складывающихся отношений и их моральной оценкой. Во-вторых, приемные дети так же, как и родители, играют активную роль в формировании и поддержании этих комбинаций. В-третьих, нежизнеспособные реляционные комбинации будут оцениваться негативно с моральной точки зрения, а жизнеспособные, наоборот, будут вызывать позитивные эмоции.

Таким образом, чтобы понять, как работает экономика усыновления, мы предлагаем рассмотреть реляционные комбинации, которые создают ключевые акторы в рамках экономических практик (1) производства, (2) потребления и распределения, (3) контроля и передачи ресурсов.

Эмпирическая база и контекст исследования

Эмпирическая база исследования была собрана в рамках проекта «Экономика усыновления как стратегия выживания малых сел» в 2018–2021 гг. Исследование прошло в 5 регионах и 18 населенных пунктах России:

- 1) Республика Бурятия: улус Элысун, с. Баргузин, с. Курумкан, у. Тохорюкта, у. Барун-Хасурга, с. Хоринск, г. Улан-Удэ;
- 2) Саратовская область: г. Аткарск, с. Прокудино, г. Саратов;
- 3) Брянская область: г. Брянск, г. Севск, с. Сенное;
- 4) Смоленская область: г. Смоленск, г. Демидов, с. Шапы;
- 5) Владимирская область: г. Вязники, с. Шатнево.

В ходе исследования было проведено 88 полуструктурированных интервью: 30 – с приемными детьми, 37 – с приемными родителями, 5 – с представителями администраций поселений, 4 – с директорами школ, 10 – с руководителями районных, региональных управлений образования, специалистами районных и региональных органов опеки и попечительства, 2 – с директорами детских домов. Помимо интервью, участники вели дневники наблюдения на протяжении экспедиции и собирали документы и фотоматериалы.

Анализ проводился в рамках стратегии кейс-стади, которую вслед за Р. Йином мы рассматриваем как эмпирическое исследование, нацеленное на глубинное познание социального феномена, включающее изучение и контекстуальных условий его формирования, и функционирования [Yin 2004]. Мы предполагали, что малые села, в которых использовали экономику усыновления в целях выживания, в целом похожи друг на друга. По этой причине в основе программы исследования лежала стратегия множественного кейс-стади; отбор кейсов производился в исследовании по принципу подобия.

Все поселения, включенные в выборку, имеют схожую социально-экономическую структуру, хотя регионы сильно различаются в социальном, экономическом и культурном отношении⁴. Чаще всего в селах прописано около 500 чел., а реально проживают не более 250 чел.; большинство жителей – пенсионного возраста. Лица трудоспособного возраста в основном заняты в бюджетной сфере, сельских домах культуры, местных библиотеках, фельдшерско-акушерских пунктах, сельских администрациях, на почте. Если в советское время главным местом работы сельчан были колхозы и совхозы, то с 2000 г. ведущую роль в трудоустройстве стали играть школы.

Приемная семья оказалась основной формой устройства детей в семьях, проживающих в выбранных малых селах Бурятии, Брянской, Смоленской и Владимирской областей, однако нередко встречались и такие формы устройства, как патронатная семья, опекунская семья, усыновление. В Саратовской области в основном дети сначала принимались на год в патронатную семью, а потом уже оставались жить до совершеннолетия по договору опеки и попечительства. В Смоленской области также часть детей проживали по договору опеки, а не по договору приемной семьи⁵. В Бурятии, Брянской и Смоленской областях мы увидели также случаи перехода от формы приемной семьи к форме усыновления.

⁴ Так, например, в Бурятии мы исследовали села, население которых составляют буряты, исповедующие шаманизм и/или буддизм. В остальных селах, расположенных в европейской части России, большинство населения составляют русские, исповедующие православие.

⁵ По словам жителей, в 2006–2007 гг., когда они хотели взять детей в качестве приемных, органы опеки и попечительства отказали им, так как лимит на количество приемных семей, заложенный в областных бюджетах, был на тот момент исчерпан. Однако после появления бюджетных средств на приемные семьи в следующем году жителям не разрешили менять договор об опеке и попечительстве на договор о приемной семье.

Мотивы создания приемных семей в малых селах

По результатам нашего исследования мы выделили 5 взаимосвязанных мотивов создания приемных семей в малых селах: (1) спасение села путем сохранения школы; (2) сохранение рабочих мест и получение доходов от профессиональной деятельности; (3) получение дополнительного денежного дохода; (4) совершение благого деяния; (5) отсутствие родных детей.

После принятия национального проекта модернизации образования, в рамках которого стимулировалось закрытие малокомплектных школ, первоначальным мотивом для создания приемных семей явилось желание жителей спасти село. Особенно часто этот мотив называли жители малых сел Бурятии. Например, в улусе Элысун инициаторами создания приемных семей стали глава поселения и директор школы, в Тохорюкте – директор школы, которая позже была выбрана главой поселения. Приемная мать из Элысуна так описывает процесс принятия решения:

«В то время, когда работали, начальник района Андрей, когда у нас был, говорил: “Я вас не буду закрывать, вы сами закроетесь”. Ему все равно было. А мы что? Мы же хотели, чтобы у нас была работа, чтобы село было. И всем миром мы как самые смелые поехали в Баргузин, взяли детей. <...> С мужем решили. Вам рассказывали, наверное, что через администрацию все это. Когда первый раз, то боязно было. Но все равно: если без работы останемся – всем плохо будет, школа закроется, деревня исчезнет. Такая тема была глобальная» (респондент № 11).

Специалист отдела опеки и попечительства Хоринского района Республики Бурятия подтверждает наличие этого мотива среди приемных родителей:

«Когда пошла реформа образования, что надо закрывать малокомплектные школы, у нас учителя пошли на то, чтобы сохранить село, сохранить школу. Потому что мы знаем, что если школы нет, то и села нет, особенно в малых селах. Поэтому основная масса, а это учителя, выбрали такое решение, чтобы создавать семьи, брать детей для сохранения именно школы. И в 2011 году у нас было самое большое количество – это 45 приемных семей, где воспитывалось 75 детей» (респондент № 43).

При этом следует отметить, что специалисты органов опеки говорили жителям малых сел, что это «неправильный» мотив для создания приемной семьи.

Еще одним не менее важным мотивом информанты называли сохранение рабочих мест, получение доходов от профессиональной деятельности и, в итоге, выход на пенсию по выслуге лет. Этот мотив присутствовал во всех малых селах в интервью с работниками сельских школ и домов культуры. В некоторых случаях благодаря приемным детям удавалось спасти школы от закрытия и таким образом сохранить доходы от профессиональной карьеры. Многие приемные родители – это учителя, которые на тот момент находились в середине своего карьерного

пути: как правило, в возрасте 35–45 лет, когда устроен быт и трудно переезжать, менять род деятельности или место работы. Заведующие и работники сельских домов культуры также брали детей, потому что с закрытием школы под угрозой ликвидации оказывались и дома культуры. Однако в своих интервью информанты связывают этот «меркантильный» мотив вместе с «альтруистическим»:

«Тут одна сторона была, чтобы удерживать школу: у некоторых большой стаж работы, отработали – и пенсия, это льготы. Это сугубо важный фактор, к которому стремились. Почему бы не взять эту льготу. Ты наработал, у тебя оставались какие-то годы. И поэтому была, конечно, идея и мысль такая крутилась. Когда важное дело делаешь, то обговариваются все факторы, которые необходимы. <...> Важное в то время мы обговаривали: мы спасем ребенка, не дадим погибнуть ему. Он будет у нас на глазах, будет в школе общаться с нашими детками и т.д.» (респондент № 62).

Мотив получения дополнительного денежного дохода был значим для некоторых учителей и для жителей сел, которые не работали в школе:

«Я работала учителем русского языка, потом и директором работала. Тут с зарплатами совсем стало плохо, и мы решили подзаработать. А где нам подзаработать? Ну, вот как вариант – возьмите из приюта ребенка. <...> Вот мы получали эти два гроша, платили нам, как я сейчас помню, мизерно, но регулярно» (респондент № 47).

В данном отрывке информант рассказывает, как стала брать детей в патронатную семью: многие учителя в Саратовской и Смоленской областях сначала заключали договор о создании патронатной семьи, но позже, через год-два, они переходили на договор об опекунской и приемной семье.

Мотив совершения благого деяния, как правило, обосновывался религиозными нормами. В Бурятии, например, родители, упоминали буддистское понятие «буян» или благого деяния, совершение которого увеличивает шансы на хорошее перерождение. Мотив отсутствия своих детей был высказан всего в двух интервью (ниже приведен отрывок одного из них):

«Да, детей не было у нас. Лама и шаманы сказали взять приемных детей. Мы взяли. Вот 2 года прошло, родили. <...> 14 лет у нас не было детей. Первый ребенок у нас золотой. Детей взяли, нам дали теперь. Так что теперь у нас трое детей» (респондент № 10).

Однако информанты детей не усыновляли, как велит традиция, а взяли именно по договору о приемной семье, получая все причитающиеся выплаты от государства и рассчитывая на получение жилья детьми в будущем.

Несмотря на то, что согласно «меркантильному» дискурсу в СМИ детей эксплуатируют в сельском хозяйстве, наше исследование показывает, что мотив приобретения дополнительного работника в хозяйство у приемных родителей отсутствует. В изучаемых селах в последнее время по сравнению с 1990-ми гг. роль личного подсобного хозяйства в обеспечении семьи значительно снизилась. Сельчане не могут сбыть продукты ЛПХ на рынке как раньше, когда приезжали скупщики прямо в село и скупали или меняли на вещи/овощи/мясо. Сейчас величина хозяйств небольшая, а продукты производятся для личного потребления.

Таким образом, в интервью наблюдается сложная картина переплетения «меркантильных» и «альтруистических» мотивов. Информанты признают, что мотив получения доходов доминировал при принятии решения о создании приемной семьи, однако многие приемные родители рассматривают эту ситуацию как обмен, в рамках которого они получают доходы, но дают приемным детям семью и достойное образование.

Права и обязанности

Усыновление, опека, приемная семья, патронатная семья – это разные юридические формы устройства детей, которые предполагают различные договоры и бюрократические процедуры, а соответственно, права, обязанности и выплаты.

Договор о патронатной семье заключается на срок от 3 до 12 месяцев, патронатный воспитатель ежемесячно получает средства на содержание ребенка, вознаграждение за каждого ребенка. Договор о приемной семье заключается до достижения ребенком возраста 18 лет, один приемный родитель получает вознаграждение, выплаты на содержание ребенка, льготы при оплате коммунальных платежей. Опекунскими (после достижения детьми 14 лет попечителями) чаще всего становятся родственники, которые также получают от государства льготы на оплату коммунальных услуг и выплаты на содержание ребенка. Усыновление/удочерение детей производится судом с участием самих усыновителей, органов опеки и попечительства, прокурора. В России человек может быть усыновлен до достижения им возраста 18 лет.

Правом требовать расторжения договора опеки, патронатной семьи, приемной семьи и отмены усыновления ребенка обладают его биологические родители, приемные родители/опекуны и усыновители, сам ребенок, достигший возраста 14 лет, органы опеки и попечительства, а также прокурор. Отмена усыновления ребенка производится в судебном порядке в присутствии тех же лиц до достижения ребенком совершеннолетия.

Права и обязанности замещающего родителя в части воспитания и управления имуществом не зависят от формы устройства и соответствуют определению родительских прав. Опекун/приемный родитель и усыновитель обязаны воспитывать ребенка, заботиться о его здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии. Методы воспитания замещающий родитель может выбирать по своему усмотрению с учетом мнения ребенка и рекомендаций органов опеки и попечительства; также он обязан управлять имуществом подопечного в соответствии с законом.

Важно упомянуть, что существует значительная разница в установлении (не)имущественных прав. Усыновленные дети и их потомство утрачивают личные неимущественные и имущественные права и освобождаются от обязанностей по отношению к своим биологическим родителям, а также приравниваются в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам усыновителей по происхождению. Во всех других формах устройства дети сохраняют имущественные и неимущественные права и обязанности в отношении своих биологических родителей. Если у ребенка нет квартиры, то государство предоставляет ему по достижению 18 лет жилую площадь.

Единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью (за счет средств федерального бюджета) полагается всем замещающим родителям независимо от формы устройства ребенка. В 2019 г. единовременное пособие в большинстве регионов России составляло 17479,73 руб. (в Бурятии с учетом северного коэффициента – 21604,94 руб.). Остальные выплаты, которые причитаются родителям и детям при той или иной форме устройства, различаются.

Договор о приемной семье является самым экономически выгодным, поскольку предполагает вознаграждение одному приемному родителю: в 2019 г. сумма, выдаваемая каждый месяц на содержание одного и каждого последующего ребенка, варьировалась от 2500 руб. в Смоленской области до 7212 руб. во Владимирской области. В договоре о патронатной семье также прописан пункт о вознаграждении, при этом опекуны и усыновители за свою работу его не получают. В то же время всем опекунам и приемным/патронатным родителям положены выплаты на содержание каждого ребенка: в 2019 г. на содержание одного ребенка в Бурятии каждый месяц выделялись 5833,90 руб., во Владимирской области – 9182 руб.

Кроме всех перечисленных выплат, опекуны и приемные родители также могут аккумулировать деньги из алиментов, которые обязаны выплачивать биологические родители, и пенсий по потере кормильца, если биологические родители умерли; алименты и пенсия перечисляются ежемесячно на банковский счет, зарегистрированный на имя ребенка. Но получают такие выплаты не все дети: несмотря на то, что у большинства детей биологические родители живы и обязаны перечислять алименты, они этого не делают, так как часто являются безработными. Стабильно получают дополнительные выплаты дети, у которых один или оба родителя умерли; у таких детей на счету к 14 годам накапливается сумма от нескольких сотен тысяч рублей до нескольких миллионов, и с этого счета приемные родители могут разово тратить определенные суммы, согласованные с опекой. Например, родители используют эти средства для оплаты дороги ребенку до лагеря, который находится в другом регионе, или для покупки одежды, обуви и канцелярии перед началом учебного года.

Усыновление в сравнении с другими формами устройства кажется наименее выгодным вариантом, однако нет основания считать, что усыновление абсолютно альтруистично само по себе: в случае усыновления первого ребенка родители получают материнский капитал; в некоторых регионах, например, в Бурятии, с 2010 г. за усыновление ребенка в возрасте от 7 лет полагается единовременная выплата в размере 250 тыс. руб.; также ребенок, имеющий к моменту своего усыновления право на пенсию и пособия, полагающиеся ему в связи со смертью родителей, сохраняет это право и при его усыновлении.

Несмотря на то, что усыновление, опека, приемная семья, патронатная семья представляют собой разные формы устройства детей, права и обязанности в части воспитания по закону у замещающего родителя такие же, как и у биологического. Как пишет В. Зелизер, закон в интерпретации близких отношений, как правило, следует устоявшимся в обществе социальным практикам [Zelizer 2005].

Наши информанты продемонстрировали понимание различий и выгод всех форм устройства. Однако многие заявляли, что взаимодействие в семье они выстраивают в соответствии с представлениями об общественно одобряемых детско-родительских отношениях: к приемному/опекаемому ребенку необходимо относиться так же, как к родному. В то же время сами дети сначала, как правило, не понимают разницу между формами и рассматривают свой переезд в приемную семью как усыновление/удочерение. Например, в Бурятии русские дети, начиная учиться в школе, подписывали свои школьные тетради бурятской фамилией приемных родителей.

Таким образом, можно заключить, что усыновление или установление близких отношений заботы, подобных отношениям биологических детей и родителей является культурной моделью, которой следуют приемные родители вне зависимости от юридической формы.

Практики производства

Государство не регламентирует участие приемных детей в хозяйственной деятельности семей: родители обязаны воспитывать ребенка и заботиться о нем, у несовершеннолетних детей обязанностей нет, они являются объектом заботы. В российском сельском домохозяйстве члены семьи рутинно вовлечены в производственные практики: они выполняют неоплачиваемую работу в доме и в личном подсобном хозяйстве⁶, и разделение труда строится по возрастному и гендерному принципу. Члены домохозяйства участвуют в транзакциях, обменивая свой труд и время на конкретные продукты для личного потребления и иногда для продажи. Иными словами, сельские семьи снижают свои денежные затраты на приобретение аналогичных продуктов на рынке.

Приемные дети, по словам наших информантов, знают свои права: они имеют право не работать в хозяйстве и даже не выполнять домашнюю работу по дому. Однако, попадая в приемную семью, дети добровольно вовлекаются в производственные практики домохозяйств. Соответственно, возникают вопросы: как осмысливается участие детей в хозяйственной деятельности? какие переговоры ведут члены домохозяйств по этому вопросу? И если говорить терминами В. Зелизера, то какие реляционные комбинации складываются вокруг практик производства в сельских приемных семьях?

Мы выделяем две основные реляционные комбинации, которые обнаруживаются в приемных семьях: квазиродительская и контрактная. Рассмотрим сначала, как приемные семьи распределяют обязанности по дому и как обосновывают это разделение труда в рамках квазиродительской реляционной комбинации.

⁶ Здесь необходимо учитывать, что в городских домохозяйствах члены семьи могут выполнять работы на дачных и приусадебных участках.

Приемные родители вовлекают детей в выполнение обязанностей по дому, взывая, в первую очередь, к отношениям между родителями и детьми:

«Есть общие проблемы по всей России во всех детских домах, там штатные няньки, штатные повара. А в приемных семьях они начинают... Я говорю: “А кто должен посуду мыть? Мы с папой в 5 часов встали, чай попили. В 7–8 вы проснулись, попили. А кто должен убирать?” Я говорю: “Теперь вы забудьте про детский дом. Вы теперь в семье. Кто кушает, тот за собой убирает. Кто спит, за собой застилает. Мама и папа не должны за вами ходить и убирать”» (респондент № 2).

Многие приемные родители, отвечая на вопрос о трудностях адаптации, указывают на то, что дети не имеют представления о должном разделении труда в семье. Почти вся неоплачиваемая работа, которую выполняют члены семьи, в интернате лежала на наемных работниках: поварах, воспитателях и других сотрудниках.

Приемные дети, включаясь в сложившуюся систему распределения домашних обязанностей по возрасту и по полу, также связывают выполнение работы по дому с семейной заботой. Приемная дочь так рассказывает о своих домашних обязанностях:

«Как приехали, мама сразу пирожки научила печь. Потом уже рыбный пирог начали делать с маминной помощью. Родители уезжают, знаем, что они придут голодные, уставшие, надо кушать что-то варить. Мы готовим, убираемся дома. Родители дома и рады» (респондент № 5).

После интервью в этой семье мы пили чай на летней кухне. Приемные дочери накрыли на стол, предложили пироги с капустой и сметану своего приготовления. За стол также позвали внуков приемных родителей; внукам на тот момент было 3–5 лет, и приемные дочери ухаживали за ними. Приемный сын из этой же семьи описывал выполнение работы в домохозяйстве, ссылаясь на общее благо семьи:

«В детдоме такого не было, что что-то делать самому, там же в основном воспитатели. А когда сюда приехали, конечно, все внове было, даже самим интересно было. Потому что бывает же такое, когда родные дети живут в семье, они начинают лениться что-то делать. А тебе, наоборот, что-то хотелось сделать, появилась возможность. Если работы нет, к родителям подойдешь, начинаешь просить – дайте что-нибудь сделать, помочь. <...> Допустим, мне нравится сенокос, потому что это природа, это физический труд – и для здоровья полезно, и для себя, и для всей семьи» (респондент № 4)⁷.

⁷ Здесь необходимо отметить, что информант на момент интервью уже учился в вузе и его формальные отношения с приемными родителями завершились. В тот день, когда мы брали интервью у его приемных родителей, он приехал к ним на летние каникулы. Мы наблюдали, как тепло его встретили родители и дети. Потом, переодевшись в домашнюю одежду, молодой человек уже ходил по двору с инструментами и помогал приемному отцу.

Работа по хозяйству становится и средством выражения близких отношений заботы со стороны приемного ребенка, когда приемный родитель, например, заболел:

«Помню, был период, что я заболела, в больницу легла. Потом вернулась из больницы как бы на побывку, и она приехала. Мы так дружно пропололи огород, было так влажно, хорошо. Она переживала, что я заболела, со слезами смотрела» (респондент № 86).

Участие приемных детей в выполнении домашних обязанностей нередко становится результатом трудных переговоров, которые ведут родители с детьми:

«[Имя] говорит: “Да чё колоть дрова, да я не хочу таскать воду вауу!”. Я говорю: “Что же делать? Ладно, [Имя], не будем, не надо дров, не надо воды. Давай, завтра встанем, дома температура минус 30, зима, без воды. Чая не будет, все голодные, все холодные, кое-кто замерзнет”. Только так. Большие нет вариантов, если ребенок так делает. <...> А если ты: “Почему не таскаешь?”. Это уже по-другому. Они все в штыки воспримут и скажут: “До свидания, я пошел в детский дом”» (респондент № 3).

В данном нарративе информантка также указывает на особую позицию ребенка в отношениях с приемным родителем: отношения власти между ребенком и приемным родителем уравниваются присутствием органов опеки, к которым ребенок может обратиться в любой момент, чтобы прекратить договор с приемным родителем.

В целом мы наблюдали, как дети самостоятельно выполняли обязанности по хозяйству: девочки занимались приготовлением пищи, уборкой и огородом, мальчики в основном были вовлечены в мужские работы, связанные с сенокосом, уходом за животными и огородом. В одной семье мы видели, как приемный сын, приехавший из районного центра на выходные к семье перед выпускным из колледжа, сам взял газонокосилку и начал выкашивать траву во дворе, остальные дети сидели дома и смотрели телевизор. Через какое-то время приемный отец сказал, что этот мальчик с ними останется навсегда, они стали для него семьей. С остальными детьми таких близких отношений заботы у них не сложилось, и, скорее всего, они не будут поддерживать в будущем тесные отношения.

Таким образом, в рамках квазиродительской реляционной комбинации права и обязанности членов приемной семьи, трансакции (домашние обязанности), средства обмена (труд и время), права и обязанности участников взаимодействия рассматриваются в контексте заботы родителей о детях и, наоборот, детей о родителях. Однако на интенсивность трансакций в период нахождения ребенка в приемной семье и после его отъезда на обучение в средне-специальном или высшем учебном заведении зависит от нескольких детерминант. Во-первых, третьи лица могут оказывать влияние на складывающуюся комбинацию: например, биологические родители и родственники легкомысленно обещают приемным детям, что в скором времени заберут их домой, но чаще всего этого не происходит. Дети первое время верят обещаниям и воспринимают нахождение в приемной семье как кратковре-

менное состояние и соответственно с этим выстраивают свое поведение, отказываясь участвовать в выполнении домашних обязанностей. Мы наблюдали случаи, когда биологические родственники инициировали процесс по изъятию ребенка из приемной семьи, в которой у него сложились близкие отношения заботы. Например, в одном случае бабушка настояла на возвращении ребенка в детский дом из приемной семьи, однако сама опеку над ребенком оформлять не стала. Основной мотив со стороны биологических родственников заключается в желании, чтобы ребенок не забывал своих родных и не называл чужую женщину «мамой». Влияния представителей органов опеки и попечительства как третьих лиц мы не обнаружили: дети и родители обращаются к опеке чаще всего по вопросу прекращения договора о приемной семье. Во-вторых, несмотря на стремление приемных родителей выстроить долгосрочные отношения, сам приемный ребенок после завершения договора может прекратить общение с приемной семьей: так, один приемный сын, уехав учиться в город, не объясняя причин, перестал отвечать на телефонные звонки и заблокировал своих приемных родителей в социальной сети «ВКонтакте», после чего приемная мать восприняла разрыв отношений с приемным сыном после окончания контракта как признак своей родительской несостоятельности.

Рассмотрим контрактную реляционную комбинацию. В ходе исследования нам стало известно только об одном случае, когда производственные практики осмысливались членами приемной семьи как часть взаимовыгодного краткосрочного договора. В одном из исследованных сел проживали приемные родители, которых нередко приглашали на телепередачи⁸, где они говорили о необходимости семьи в жизни каждого ребенка, рассуждали о любви к детям, то есть воспроизводили альтруистический дискурс, но при этом на практике придерживались формального договора о приемном родительстве. С родителями нам встретиться не удалось, но мы побеседовали с приемными детьми и односельчанами. Практики номинации в этой семье односельчане описывают следующим образом:

«Я не то что хочу оговаривать кого-то, [ФИО], у них свое было воспитание. Она сама поставила рамки такие: “Я – [Имя Отчество], а это дядя [Имя]”. Она не смогла: как это чужие дети будут мамой называть?» (респондент № 60).

Эта семья взяла мальчиков подросткового возраста, они вставали в 5 утра, чтобы выгнать коз, сделать работу в огороде и только потом шли в школу. Как было описано выше, большинство приемных и родных детей в сельской местности работают в домашнем подсобном хозяйстве, и в этой семье родители также распределяли работу среди приемных детей, но дети рассматривали эти задачи как помощь, которую они оказывают взамен на проживание в семье, а не в интернате. В интервью всех без исключения приемных детей интернат оценивается негативно:

*«А в интернатах что? Там только как гаркнут, и стоишь, зубами щелкаешь. Думаешь только, как бы по ж*** не съездили» (респондент № 67).*

⁸ По этическим соображениям мы не можем привести ссылку на данные источники.

Один приемный ребенок отказался участвовать в выполнении домашних обязанностей, указывая на содержание договора о приемной семье. Конфликты, которые возникали в этой семье, приемные родители не могли решить самостоятельно в семейном кругу и привлекли (в соответствии с договором) органы опеки и комиссию по делам несовершеннолетних. Это был единственный случай, когда по запросу приемных родителей дети стояли на учете отдела полиции по делам несовершеннолетних. Некоторые дети из этой семьи не выдерживали и, если появилась возможность, переходили в приемные семьи, которые проживали в этом же селе. Несмотря на конфликтные отношения, приемная семья не отказалась ни от одного из детей, однако, когда детям исполнилось 18 лет, приемная мать собрала вещи детей и выставила их за порог. После этого приемные родители, опасаясь мести со стороны приемных детей, продали дом и переехали в другое поселение.

Вполне очевидно, что в сельских домохозяйствах приемные дети, участвуя в выполнении ряда обязанностей, вносят вклад в производство продуктов питания для внутреннего потребления. Однако одни и те же практики производства могут соотноситься с разными значениями отношений в приемных семьях. Анализируя последний пример, мы можем сделать вывод, что одни и те же права и обязанности приемных родителей и детей, транзакции (выполнение обязанностей) и средства обмена (труд и время) соотносятся уже не с семейными, а с договорными отношениями, в которых каждая сторона преследует свои выгоды.

Практики потребления и распределения

Приемные семьи могут аккумулировать деньги для приобретения одежды и других промышленных товаров для детей из следующих источников: (1) выплаты на содержание детей из бюджета; (2) алименты, которые обязаны выплачивать биологические родители; (3) пенсия по потере кормильца.

Рассмотрим сначала, каким образом выстраиваются практики потребления и распределения в квазиродительских реляционных комбинациях. Неоднократно в беседах с нами приемные родители говорили, что денег на содержание ребенка не всегда хватает, особенно в первый год. Во-первых, покидая интернат, дети не получали с собой ни одного дополнительного комплекта одежды, кроме той, которая была на них одета. Приемная мама описала, в какой одежде она вместе с односельчанкой забрала детей из приюта:

«Расписались мы за что-то, что мы, якобы, получили. Что у них было? Шапка, куртка, ботинки, штаны, свитер, трусы. Всё!» (респондент № 65).

Во-вторых, дети, выходя из интерната, не умеют бережно носить одежду, и необходимо постоянно покупать новую. В детском доме у ребенка нет личной одежды, и на смену, например, испорченным брюкам ребенок может

выбрать другие. Приемные родители часто говорили о том, что им пришлось учить детей в первый год жизни в семье практикам бережного отношения к одежде.

Еще одной статьей расходов родители называли приобретение техники и гаджетов: так, одна информантка рассказала нам о тратах, которые она несет, воспитывая четырех приемных детей:

«Вот говорите: за деньги, за деньги. Разве на эти деньги что-то сделаешь? <...> Свои все отпускные тратили, телят продавали, молоко – все уходило на детей. <...> Они же хотят и телефоны, и велосипеды. Все хотят» (респондент № 77).

В одной семье приемная мама при нас объясняла одной из дочерей, что семья сможет купить ей смартфон только в августе, обещая к этому времени накопить необходимую сумму. В то же время другие родители утверждали, что денег, которые выплачивает государство, достаточно, поскольку значительная часть продуктов питания производится самими же родителями и детьми в ЛПХ, что снижает денежные траты и позволяет больше тратить больше на приобретение одежды и других товаров. Именно в этой семье позже юридически усыновили почти всех приемных детей, кроме самой старшей дочери: к тому моменту ей уже исполнилось 18 лет.

Практики приобретения и распоряжения одеждой рассматривались информантами как важная часть подлинной родительской заботы о детях. Многие приемные дети в интервью говорили о практиках потребления в приемной семье, чтобы подчеркнуть разницу проживания в приемной семье и биологической семье/интернате/приюте. Одна информантка рассказывала о своем первом сентября так:

«Одевали в первый класс меня вообще прекрасно. Я такая красивая пошла. Я прямо чувствовала, что обо мне заботятся. Я буду хорошо сейчас выглядеть. Что меня раздражало в приюте, что вся одежда была обшая! Ты только привыкнешь к чему-то, например, вот это мой костюм. И хоп – на другой девочке его видишь. Такая злость берет, это так отвратительно! А тут я иду во всем новеньком, мама меня ведет за руку» (респондент № 56).

В то же время мы наблюдали случай, когда в семье, которая выстраивала контрактные реляционные комбинации, приемные родители поставили детям в комнату отдельный холодильник, куда складывали продукты питания, купленные в соответствии с выплатами государства на содержание ребенка. Родители и дети питались отдельно, что не является нарушением договора и даже может рассматриваться как прямое следование ему; одежду и другие промышленные товары они также покупали в соответствии с государственными выплатами. Практики потребления и распределения, которые складывались в этой семье, морально осуждались и детьми, и односельчанами, и другими приемными родителями в этом селе.

Практики контроля и передачи ресурсов

Приемные родители вместе с опекой контролируют основные ресурсы приемных детей – денежные выплаты и недвижимость. Право распоряжаться своим банковским счетом, как и другим имуществом, приемные дети получают после 14 лет.

В рамках квазиродительских реляционных комбинаций приемные родители стараются контролировать банковский счет и после достижения ребенком этого возраста. Дело в том, что чаще всего дети очень быстро тратят копившуюся несколько лет сумму на приобретение гаджетов или досуг. Приемная мама так описывала свою попытку контроля трат дочери со счета, когда та уехала учиться в райцентр:

«Когда она здесь закончила, у нее на книжке 270000 рублей накопилось. Она где-то в середине 10-го класса начала дружить с одной девочкой и перестала нас слушаться, ее слушаться стала. Поэтому я и не показывала ей сберкнижку. Я карту забрала, чтобы она не снимала деньги. А она сделала так, как будто потеряла, и восстановила карту» (респондент № 13).

В соответствии с законом приемный родитель должен решать имущественные вопросы ребенка, и если жилье отсутствует, то опека автоматически ставит ребенка на очередь для получения благоустроенного жилого помещения из специализированного жилищного фонда. Право на жилье рассматривается родителями и детьми главным ресурсом приемной и опекунской форм устройства детей, оставшихся без попечения.

«Мы не чувствуем, что это приемная семья, это уже наши люди. Документально – это чисто нюансы. <...> В чем плюс? Очень умная политика мамы была в свое время. Была возможность удочерить, но если бы она нас удочерила, то она лишила бы нас всех возможностей» (респондент № 59).

Интерес представляет ситуация, когда жилье у ребенка формально есть, но фактически оно является аварийным. В этом случае приемный родитель должен проследить, чтобы права ребенка на проживание в жилом помещении соблюдались после завершения договора о приемной семье. Однако на практике обретение достойного жилья зависит от желания родителей инвестировать свои силы и материальные/временные ресурсы в процесс признания жилья аварийным, и, если это необходимо, большинство родителей в течение 1–2 лет добиваются признания жилья аварийным. В то же время встречались родители, которые этого не делали, так как формально жилье у ребенка имелось: например, приемная мать усыновила юношу, когда ему было 17 лет, и купила ему дом в своем селе. Она мотивировала усыновление тем, что оставлять договор о приемной семье было невыгодно: от государства он все равно никакого жилья не получил бы, так как у него есть свое, но аварийное.

Следует отметить, что те родители, которые строили отношения с приемными детьми в рамках контрактных реляционных комбинаций, относились к жилищному вопросу формально, равно как и органы опеки. Нам стало известно об одном случае, когда детей после завершения договора выселили из дома приемной семьи с полицией. И хотя детям было выделено жилье, они там жить не смогли, поскольку оно оказалось аварийным. Дети никуда не уехали, поселившись сначала в заброшенном доме, а потом переехав к своему знакомому, тоже приемному ребенку, который купил дом на пенсию по потере кормильца. На момент проведения интервью молодые люди собирались судиться за признание своего жилья непригодным.

Заключение

Социологическая модель «множественных рынков» В. Зелизер помогла в описании того, как приемные родители и дети совершают экономические трансакции, какие средства обмена используют и с какими согласованными значениями соотносят свои трансакции. Результаты нашего исследования показывают, что приемные родители выстраивают экономические обмены и отношения с приемными детьми в рамках двух основных реляционных комбинаций: квазиродительской и контрактной.

В квазиродительской реляционной системе права и обязанности членов приемной семьи, трансакции, средства обмена осмысливаются через призму близких отношений заботы между детьми и родителями. Экономические обмены в этом случае происходят в логике долгосрочных взаимоотношений, оцениваются положительно всеми сторонами взаимодействия. Важно отметить, что такие семьи часто продолжают брать новых детей на воспитание.

В контрактной реляционной комбинации права и обязанности членов приемной семьи, трансакции, средства обмена постоянно соотносятся акторами с формальным договором. Экономические обмены в таких комбинациях происходят в рамках логики краткосрочных взаимодействий, поэтому все акторы стремятся к минимизации своих издержек. Данная комбинация встречается редко, оценивается негативно с моральной точки зрения, хотя и не противоречит букве закона. Описанный нами случай свидетельствует о том, что акторы в таких комбинациях выигрывают только в краткосрочной перспективе; в долгосрочной перспективе проигрывают все.

Экономические трансакции в приемной семье могут встраиваться в разные реляционные комбинации, однако, как мы видели, только квазиродительскую комбинацию можно назвать жизнеспособной, то есть социально одобряемой и успешной. И напротив, контрактная комбинация, которая не противоречит закону, нежизнеспособна, социально порицается и встречается редко. Приемные дети достаточно хорошо осведомлены о своих правах, они занимают активную позицию в экономических трансакциях с приемными родителями.

Рассматривая роль третьих сторон в формировании реляционных комбинаций в приемной семье, мы фиксировали, что органы опеки в какой-то мере уравновешивают властные отношения между ребенком и приемным родителем, однако не оказывают прямого влияния на складывающиеся реляционные комбинации. При этом важной третьей стороной становятся биологические родители и родственники приемных детей.

Экономика усыновления – это пример экономических обменов, которые проходят эффективно только в контексте близких отношений заботы между приемными родителями и детьми. Квазиродительские реляционные комбинации складываются в большинстве семей независимо от формы устройства ребенка, потому что общественно одобряемой формой отношений с приемным ребенком является усыновление (в социальном смысле этого слова). Оно предполагает установление близких отношений заботы, которые всегда основываются на долгосрочных взаимных обязательствах материального и нематериального характера.

Деление приемных родителей на «альтруистов» и «промысловиков» в экономике усыновления смысла не имеет, и в целом изначальный посыл устройства детей в приемные семьи при формировании реляционных отношений уже не так важен. Исследование показало, что в реальности материальные мотивы к созданию приемных семей не противоречат установлению эмоционально близких отношений между приемными родителями и детьми. Приемные родители также не видят противоречий между тем, что они руководствуются материальными мотивами, и тем, что они воспитывают детей как своих собственных, более того, любовь к детям становится главным механизмом воспроизводства экономики усыновления.

Список источников

- Грановеттер М. (2002) Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. Т. 3. № 3. С. 44–58 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-deystvie-i-sotsialnaya-struktura-problema-ukorenennosti/viewer>, дата обращения 10.06.2022.
- Гурко Т.А. Тасеев В.Б. (2007) Опыт организации приемных семей в Самарской области // Социологические исследования. № 9. С. 78–85.
- Орлова С. (2019) 800 млрд рублей на нацпроект «Образование» недостаточно для «прорыва» // Счетная палата РФ. 26 июня 2019 // <https://ach.gov.ru/news/svetlana-orlova-800-mlrd-rublej-na-nacproekt-obrazovanie-nedostatochno-dlya-proryva-37692>, дата обращения 10.06.2022.
- Российский статистический ежегодник: статистический сборник (2001). М.: Госкомстат.
- Сводные отчеты по форме федерального статистического наблюдения № 103-рик по России в целом и субъектам Российской Федерации за 2020 год (2021) // Минпросвещения России. 2 марта 2021 // <https://docs.edu.gov.ru/document/17bc19963749a7f29e59d09c0c7ebfaa/>, дата обращения 10.06.2022.
- Чернова Ж.В., Кулмала М. (2018) «По сложности – это работа, по состоянию души-семья»: профессионализация приемного родительства в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 21. № 3. С. 46–70. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.3.3
- Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л., Гарифулина Э.Ш. (2020) Мотивы и практики создания приемных семей (анализ нарративов) // Социологические исследования. № 2. С. 74–83. DOI: 10.31857/S013216250008495-7
- Ярская-Смирнова Е.Р., Присяжнюк Д.И., Вербилович О.Е. (2015) Приемная семья в России: публичный дискурс и мнения ключевых акторов // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 18. № 4. С. 157–173 // http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2015_4/Yarskaya-Smirnova%20et%20al%202015_4.pdf, дата обращения 10.06.2022.
- Bandelj N. (2020) Relational Work in the Economy // Annual Review of Sociology, no 46, pp. 251–272. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054719

- Iarskaia-Smirnova E., Kosova O., Kononenko R. (2020) The ‘Last-Minute Children’: Where Did They Come From, Where Will They Go? Media Portrayals of Children Deprived of Parental Care, 2006–2018 // *Reforming Child Welfare in the Post-Soviet Space: Institutional Change in Russia* (eds. Kulmala M., Jäppinen M., Tarasenko A., Pivovarova A.), Routledge, pp. 47–68.
- Shpakovskaya L., Chernova Zh. (2020) The Successful Transition to Foster Care: The Child’s Perspective // *Reforming Child Welfare in the Post-Soviet Space: Institutional Change in Russia* (eds. Kulmala M., Jäppinen M., Tarasenko A., Pivovarova A.), Routledge, pp. 181–197.
- Yin R.K. (2004) *The Case-study Anthology*, Sage.
- Zelizer V.A. (2002) *Intimate Transactions* // *The New Economic Sociology: Developments in an Emerging Field* (eds. Guillen M.F., Collins R., England P., Meyer M.), New York: Russell Sage Foundation, pp. 274–300.
- Zelizer V.A. (2005) *Purchase of Intimacy*, Princeton: Princeton University Press.
- Zelizer V.A. (2010) *Economic Lives*, Princeton University Press.
- Zelizer V.A. (2012) How I Became a Relational Economic Sociologist and What Does That Mean? // *Politics & Society*, vol. 4, no 2, pp. 145–174. DOI: 10.1177/0032329212441591
-

The Economy of Adoption: Love or/and Money

V.V. GALINDABAEVA*, N.I. KARBAINOV**

***Vera V. Galindabaeva** – PhD in Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of the RAS – Saint Petersburg Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, v.galindabaeva@socinst.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3544-5953>

****Nikolay I. Karbainov** – Researcher, Sociological Institute of the RAS – Saint Petersburg Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, n.karbainov@socinst.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7100-0292>

Citation: Galindabaeva V.V., Karbainov N.I. (2022) The Economy of Adoption: Love or/and Money. *Mir Rossii*, vol. 31, no 4, pp. 57–78 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-57-78

Abstract

This article analyzes the adoption economy in Russia. The main research question is how economic exchanges between adoptive parents and children take place when altruistic behavior is normatively encouraged and profit-making is stigmatized. Qualitative data were collected from 88 individual semi-structured interviews, an observation diary, documents, and photographic materials. Based on the concept of relational work by Zelizer, we analyze economic exchanges between members of foster families and identify two main relational combinations that foster families develop: quasi-parental and contract—economic exchanges are made in the logic of long-term and short-term relations respectively. Quasi-parental relational packages develop in most families, regardless of the form of the child’s adoption. The study demonstrated that the essential motives observed in foster families do not contradict the established similarity of emotional relationships between foster parents and children.

This article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in April 2022.

Keywords: *economy of adoption, foster families, adoption, care, small village, rural school*

References

- Bandelj N. (2020) Relational Work in the Economy. *Annual Review of Sociology*, no 46, pp. 251–272. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054719
- Chernova Zh., Kulmala M. (2018) “In Its Complexity It’s Work, in Its Soul It’s Family”: Professionalization of Foster Parenting in Contemporary Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 21, no 3, pp. 46–70 (in Russian). DOI: 10.31119/jssa.2018.21.3.3
- Chernova Zh., Shpakovskaya L., Garifulina E. (2020) Motives and Practices of Foster Parents (an Analysis of Narratives). *Sociological Studies*, no 2, pp. 74–83 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250008495-7
- Consolidated Reports on the Form of Federal Statistical Observation No. 103-rik for Russia as a Whole and the Constituent Entities of the Russian Federation for 2020 (2021). *Ministry of Education of Russia*, March 2, 2021. Available at: <https://docs.edu.gov.ru/document/17bc19963749a7f29e59d09c0c7e6faa/>, accessed 10.06.2022 (in Russian).
- Granovetter M. (2002) Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *The Journal of Economic Sociology*, vol. 3, no 3, pp. 44–58. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-deystvie-i-sotsialnaya-struktura-problema-ukorenennosti/viewer>, accessed 10.06.2022 (in Russian).
- Gurko T.A., Taseev V.B. (2007) Experience of Adoptive Families in Samara Oblast. *Sociological Studies*, no 9, pp. 78–85 (in Russian).
- Iarskaia-Smirnova E., Kosova O., Kononenko R. (2020) The ‘Last-Minute Children’: Where Did They Come From, Where Will They Go? Media Portrayals of Children Deprived of Parental Care, 2006–2018. *Reforming Child Welfare in the Post-Soviet Space: Institutional Change in Russia* (eds. Kulmala M., Jäppinen M., Tarasenko A., Pivovarova A.), Routledge, pp. 47–68.
- Orlova S. (2019) 800 Billion Rubles for the National Project “Education” Is Not Enough for a “Breakthrough”. *The Accounts Chamber of the Russian Federation*, June 26, 2019. Available at: <https://ach.gov.ru/news/svetlana-orlova-800-mlrd-rublej-na-nacproekt-obrazovanie-nedostatochno-dlya-proryva-37692>, accessed 10.06.2022 (in Russian).
- Shpakovskaya L., Chernova Zh. (2020) The Successful Transition to Foster Care: The Child’s Perspective. *Reforming Child Welfare in the Post-Soviet Space: Institutional Change in Russia* (eds. Kulmala M., Jäppinen M., Tarasenko A., Pivovarova A.), Routledge, pp. 181–197.
- Russian Statistical Yearbook: Statistical Collection* (2001), Moscow: Goskomstat (in Russian).
- Yarskaya-Smirnova E.R., Prisyazhnyuk D.I., Verbilovich O.E. (2015) Foster Family in Russia: Public Discourse and Opinions of Key Actors. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 18, no 4, pp. 157–173. Available at: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2015_4/Yarskaya-Smirnova%20et%20al_2015_4.pdf, accessed 10.06.2022 (in Russian).
- Yin R.K. (2004) *The Case-study Anthology*, Sage.
- Zelizer V.A. (2002) Intimate Transactions. *The New Economic Sociology: Developments in an Emerging Field* (eds. Guillen M.F., Collins R., England P., Meyer M.), New York: Russell Sage Foundation, pp. 274–300.
- Zelizer V.A. (2005) *Purchase of Intimacy*, Princeton: Princeton University Press.
- Zelizer V.A. (2010) *Economic Lives*, Princeton University Press.
- Zelizer V.A. (2012) How I Became a Relational Economic Sociologist and What Does That Mean? *Politics & Society*, vol. 4, no 2, pp. 145–174. DOI: 10.1177/0032329212441591